

2010 – ГОД РОССИИ ВО ФРАНЦИИ И ФРАНЦИИ В РОССИИ

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРИЧИНАХ И ПРЕДПОСЫЛКАХ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

М.А. Фридман

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье изучаются мнения современных французских историков о ключевых вопросах истории России начала XX в., о Первой русской революции 1905–1907 гг., ее причинах и предпосылках. Представлена панорама социально-экономической и политической жизни Российской империи накануне революционного взрыва в изложении французских исследователей.

Ключевые слова: Россия, историография, Первая русская революция 1907–1905 гг., современная французская историография, причины и предпосылки революции 1907–1905 гг. в России.

В силу давно сложившихся прочных историко-культурных связей между двумя странами французские ученые довольно много и плотно занимаются проблемами истории России. Главное внимание они, конечно, уделяют советскому периоду и особенно личности Сталина, но и вопросам русских революций в их работах уделено немало места. Конечно, Первая русская революция 1905–1907 гг. находится в тени событий Октября 1917 г., но и о ее причинах и предпосылках в трудах французских специалистов содержится ряд небезыntenесных идей.

Большинство французских исследователей сходятся во мнении, что поводом для Первой русской революции послужило «Кровавое воскресенье». Именно события, произошедшие в столице Российской империи 9 (22) января 1905 г., образно говоря, спустили курок народного недовольства, тогда

как роль катализаторов, создавших революционную ситуацию в стране, исполнили экономический кризис начала XX в. и русско-японская война 1904–1905 гг. Однако главной причиной революционных волнений, потрясших Россию в 1905–1907 гг., был глубокий структурный кризис, постигший Российскую империю на рубеже XIX–XX вв. (1). При этом причины и предпосылки первой русской революции 1905–1907 гг., приводимые французскими авторами, можно, по большому счету, разделить на три группы: экономические, военно-политические и социальные.

Говоря об экономических предпосылках революции, французские исследователи в первую очередь отмечают ускоренную индустриализацию последних десятилетий XIX в. и экономический кризис, потрясший Российскую империю в самом начале XX в., а также аграрный кризис, вызванный нерешенностью земельного вопроса, как одни из основных причин структурного кризиса.

Так, Ж.-Ж. Мари пишет о том, что индустриализация в России «началась с явным опозданием и вскоре приняла высококонцентрируемую форму как в связи с обширным привлечением иностранного капитала, в том числе французского, так и в связи с исключительным природным богатством страны и большим количеством рабочих рук» (2). П. де Лобье отмечает, что между 1892 и 1903 гг. российское правительство по инициативе министра С.Ю. Витте ввело золотой стандарт рубля и приняло ряд мер по защите внутреннего рынка за счет повышения таможенных тарифов. Акцент был сделан на развитие тяжелой промышленности, передовые отрасли которой активно развивались благодаря широкому привлечению иностранных специалистов. В первую очередь это касалось металлургии и угледобывающей промышленности, что, в свою очередь, дало толчок железнодорожному строительству. Однако в целом по уровню промышленного развития Россия все еще сильно уступала ведущим индустриальным державам (3).

Автор единственной пока что монографии, целиком и полностью посвященной Первой русской революции (4), Ф.-К. Кокэн полагает, что индустриальная революция в России 1890-х гг., с одной стороны, была похожа на промышленные революции, произошедшие ранее в других европейских странах, но, с другой стороны, имела ряд особенностей. Так, с событиями, случившимися за 150 лет до этого в Англии, за 60 – во Франции и за 30 – в Германии, ее роднит то, что она способствовала появлению и развитию трех новых социальных групп: буржуазии, пролетариата и среднего класса (5). Однако для того чтобы обеспечить промышленное развитие страны, российскому правительству приходилось прибегать к обширным иностранным займам, в результате чего внешний долг Российской империи к концу XIX в. достиг порядка пяти миллионов рублей золотом, что в значительной степени лишило Россию экономической независимости. Важнейшие решения по финансовым вопросам царское правительство было вынуждено принимать с

оглядкой на мнения Парижа, Берлина и Лондона, поэтому зарождающаяся русская буржуазия была вынуждена рассчитывать лишь на собственные силы. Отсутствие поддержки отечественной буржуазии «сверху», по мнению автора, и предопределило ее медленное развитие, чего нельзя сказать о рабочем классе, который в 90-х гг. XIX в. значительно расширил свои ряды. Поэтому исследователь образно назвал российскую индустриализацию конца XIX в. «троянским конем первой русской революции» (6).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что французские исследователи уделяют в своих работах повышенное внимание российской модернизации конца XIX в., отмечая при этом ее догоняющий характер, развитие тяжелой промышленности и сильную зависимость от иностранных займов. В целом точка зрения французских ученых по данному вопросу совпадает с мнением их российских коллег.

Р. Жиро и М. Ферро напоминают, что за любым подъемом обычно следует спад. Так и за индустриальным подъемом, который испытала российская экономика в последней четверти XIX в., последовал кризис, потрясший империю в 1901–1903 гг. С одной стороны, он привел к банкротству многих предприятий, с другой – к голоду в деревне, вызванному плохой урожайностью (7). В результате за первые четыре года XX в. произошло около 670 крестьянских восстаний. К тому же рабочие, оставшиеся без работы из-за банкротства своих предприятий, не могли рассчитывать на возвращение в деревню, так как она тоже была охвачена кризисом (8).

Э. Ллорка, в свою очередь, говорит о том, что в начале XX в. экономический кризис потряс не только Россию, но и всю Западную Европу. Он сопровождался переполненностью рынка готовой продукцией и резким повышением кредитных ставок. Однако молодая российская промышленность, сильно зависящая от внешнего рынка, пострадала от него чуть ли не больше всех других стран. Наблюдался повсеместный спад производства, закрывались многие заводы, к тому же было практически окончено строительство Транссибирской железной дороги, которое в ту пору являлось одним из основных заказчиков для металлургии и угледобывающей отрасли. Цены на основное промышленное сырье также резко упали. В 1901 г. чугун подешевел на 40%, нефть – на 75%. В результате кризиса еще больше увеличилась концентрированность и монополизация производства, которая в России, в основном, принимала форму картелей (9).

П. де Лобье также отмечает важность железнодорожного строительства для молодой российской промышленности. Государственные заказы на обслуживание потребностей данной отрасли составляли значительную часть от всей продукции, производимой российской металлургией вплоть до 1901 г. Однако затем эта доля начинает заметно снижаться, что было вызвано как постепенным удовлетворением потребностей страны в железнодорожных сетях, так и банальной нехваткой денег, тем более что мировой экономиче-

ский кризис начала XX в. очень осложнил для России получение внешних кредитов, а также существенно сократил иностранные инвестиции в российскую экономику (10).

В то же самое время, как уже отмечалось выше, кризис переживала и русская деревня, вызван он был как плохим урожаем (особенно в 1901 г.), так и аграрным перенаселением. Землевладельцы, так же как и крестьяне, упрекали правительство и, в первую очередь, министра финансов Витте, в том, что благополучие сельского хозяйства было принесено в жертву ускоренной индустриализации страны. Поэтому недовольство правительством в сельской среде постоянно росло, что приводило к крестьянским волнениям. «Не лучше дела с доверием правительству обстояли и в городе, где процветали безработица и высокие цены», – подытоживает автор (11).

Итак, по мнению французских авторов, экономический кризис, разразившийся в Российской империи в начале XX в., являлся составной частью мирового экономического кризиса и привел к резкому ухудшению ситуации в городе и на селе. При этом догоняющий характер российской модернизации лишь усугублял последствия кризиса.

19 февраля 1861 г. Александр II своим манифестом «О Всемиловейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» даровал крестьянам свободу, но не землю. И именно в нерешенности земельного вопроса Ф.-К. Кокэн, ссылаясь на П.Н. Милюкова, видит одну из главных, если не главнейшую, причину революционных событий 1905–1907 гг. (12). Нерешенность, по мнению исследователя, заключалась в том, что большая часть пригодных для сельскохозяйственной деятельности земель по-прежнему находилась в руках у помещиков. Лишившись бесплатной рабочей силы в виде труда крепостных крестьян, они при этом в подавляющем своем большинстве не спешили становиться агропромышленниками и активно нанимать на работу освобожденных реформой крестьян (13). При этом Ф.-К. Кокэн отмечает, что «по результатам реформы крестьяне не только получили в пользование ничтожно малые, недостаточные для нормального обеспечения своих насущных потребностей земельные наделы, но и должны были еще уплатить за них непомерно высокую цену (выкупные платежи), что, безусловно, тормозило развитие крестьянского хозяйства» (14).

Немаловажную роль в затягивании земельного кризиса, по мнению историка, играла и сохранившаяся крестьянская община, которая де-юре являлась владельцем всей крестьянской земли и распределяла ее между своими членами, причем далеко не всегда наиболее эффективно с экономической точки зрения (чересполосица и т.д.). Все это делало невозможным развитие частного фермерского хозяйства (15).

Согласен с Ф.-К. Кокэном и П. де Лобье. Ссылаясь опять-таки на Милюкова, он также пишет о сдерживающей роли общины и скудности и неустроенности крестьянских наделов. Помимо этого исследователь видит

причины аграрного кризиса еще и в резком увеличении численности деревенского населения (до 70% за период с 1864–1866 гг. по 1905 г.), а также в том, что для обработки земли применялись преимущественно отсталые методы и орудия труда. Крестьянство практически не проявляло хозяйственной инициативы (16).

Переходя от вопроса социальных предпосылок к экономическим, следует, резюмируя все вышесказанное, сделать вывод о том, что, по мнению подавляющего большинства французских историков, к 1905 г. в Российской империи сложилась экономическая ситуация, крайне благоприятствующая социальному взрыву. Ранее мы уже приводили слова Ф.-К. Кокэна о том, что индустриальная революция в России 1890-х гг. способствовала появлению и развитию трех новых социальных групп: буржуазии, пролетариата и среднего класса, которые постепенно начинали бороться за свои права (17). При этом зарождение промышленного пролетариата было напрямую связано с миграцией рабочих рук из деревни в город, тогда как пауперизация крестьянства в деревне, в свою очередь, приводила к росту сельского пролетариата. «Две социальные категории представляли собой настоящий кладезь недовольства народных масс, готовых участвовать в акциях протеста», – отмечает автор (18).

Данное мнение Ф.-К. Кокэна нам представляется спорным, так как пауперизация сама по себе автоматически не ведет к пролетаризации. Возможен и другой ее итог – маргинализация. Однако если с крестьянскими выступлениями Россия была «знакома» еще с XVII в., то акции протеста рабочих стали для страны новым явлением. Начиная с первой волны индустриализации в 1870 г. в Российской империи стали происходить забастовки, которые выражались поначалу в порче машин и рабочих мест. Однако «лишь после второй волны 1875 г. эти спонтанные забастовки принимают крупномасштабный характер» (19).

Ж. Дроз во втором томе своего труда «*Histoire générale du socialisme*» («Общая истории социализма») ставит и положительно решает вопрос о существовании в Российской империи рабочего класса в начале XX в. Для этого он прибегает к помощи Л. Троцкого, который проводил сравнение российской индустриализации со схожими процессами в Германии и Бельгии. Россия уступала этим странам в процентном соотношении рабочих на душу населения, однако обладала вполне современной индустриальной структурой. К тому же рабочий класс в России, в отличие от других стран, был гораздо более концентрирован в больших городах и на крупных и средних предприятиях. Это объясняет «революционную живучесть пролетариата» в отсталой аграрной стране, где преобладающей отраслью экономики по-прежнему являлось сельское хозяйство (20).

Далее ученый исследует вопрос о степени проникновения социалистических идей в умы российского общества до 1905 г. Он приходит к выводу о том, что революционная пресса, призванная нести в массы идеи марксист-

ского толка, затрагивала лишь немногочисленную интеллигенцию и еще более малочисленную верхушку рабочей элиты, а ее распространение в деревне было и вовсе минимальным. Массы были не способны разобраться в дискуссиях о будущем капитализма, о роли рабочего пролетариата и крестьянства в революционном движении, о необходимости или отсутствии необходимости существования политических партий. Гораздо больше их занимали насущные житейские проблемы: введение восьмичасового рабочего дня, гарантии занятости и безопасности труда, наделение крестьян достаточным количеством земли и т.д. Поэтому, вслед за Г.Е. Зиновьевым, Ж. Дроз называет рабочего, проникнувшегося идеей социалистической революции уже в начале XX в., «изолированным феноменом» (21).

П. де Лобье, в свою очередь, пишет о том, что российский рабочий класс был неоднороден, и выделяет три типа русского пролетария. Первый тип зародился в старых промышленных районах с высокой концентрацией производства. Речь идет о столице – Санкт-Петербурге, городах центрального региона – Москве, Иваново (который во французской историографии именуют не иначе как «русский Манчестер»), городах западно-прибалтийского региона – Минске, Риге, Вильнюсе, городах Юга – Батуми, Тифлисе, Баку, а также городах Царства Польского – Кельце, Лодзе и Варшаве. Рабочие здесь были похожи на своих европейских «коллег», хоть и уступали им в плане материального достатка. Как правило, их отцы также уже были рабочими, и сами они, естественно, были потомственными горожанами. Такие рабочие, по мнению П. де Лобье, были всецело «открыты» для социалистической пропаганды (22).

Рабочие, принадлежащие ко второму типу, трудились в городах центральных губерний (Харьков, Коломна, Тула) – крупных центрах металлургии и угледобывающей промышленности. Они пришли в эти города из близлежащих деревень и сохранили еще достаточно тесную связь с сельской жизнью. Это были рабочие в первом поколении, семьи которых зачастую продолжали жить в деревне. Ученый считает, что такие рабочие были гораздо менее предрасположены к увлечению идеями К. Маркса (23).

Третью группу составляли сезонные рабочие шахт на Урале. Они сохранили наиболее крепкую связь с деревней и по сути своей оставались во многом крестьянами. Исследователь называет их «рабочими-крестьянами», и, по его мнению, большая их часть с радостью бы вернулась к полностью сельской жизни, если бы у них появилась такая возможность, то есть отпала необходимость заниматься наемным трудом за деньги. Именно эта категория рабочих обеспечивала «передачу» революционных порывов, проявляющихся в виде всевозможных стачек, из города в деревню, где они «дополняли», а иногда и провоцировали крестьянские волнения (24).

Французские ученые также уделяют внимание вопросу организации рабочих движений. Так, Э. Ллорка отмечает, что для борьбы с волнениями и

направления народного недовольства в «нужное русло» царская власть поощряла создание рабочих профсоюзов – легальных организаций, как правило, тайно контролируемых полицией (25). Схожие мысли высказывает также Э. Каррер Д'Анкосс (26).

Таким образом, по мнению французских ученых, рабочий класс в Российской империи в начале XX в. уже существовал, однако имел ряд особенностей. В то же время с марксистскими идеями широкие рабочие массы были, по сути, еще не знакомы. К началу XX в. крестьянство оставалось самым многочисленным и одним из самых «неустроенных» сословий Российской империи. Об экономических причинах крестьянского недовольства, выделяемых французскими авторами, мы уже подробно рассказывали выше, а политических требований в начале века крестьяне, как и большинство других сословий, не выдвигали.

П. де Лобье отмечает, что все требования, предъявляемые крестьянами властям, имели своей целью улучшение благосостояния и главным среди них было, конечно же, требование предоставления земли. При этом свои прошения крестьяне обращали не к правительству, которое они не особенно жаловали, а самодержцу, «царю-батюшке», которого согласно православной традиции они считали наместником Бога на земле (27). К концу XIX в. уровень внутренней миграции крестьянства, не так давно обретшего свободу, достиг внушительных размеров. Миллионы крестьянской бедноты отправлялись искать счастья в плодородные губернии юга России, и в 1889 г. царское правительство даже было вынуждено издать указ, ограничивающий эти миграции, дабы предотвратить вспышки недовольства, которые они провоцировали (28).

Однако, как отмечает П. де Лобье со ссылкой на советского исследователя С.М. Дубровского, в период с 1899 по 1904 г. крестьянское недовольство достигло таких размахов, что создало в стране ситуацию, близкую к новой крестьянской войне, названной автором, по аналогии с французской историей, «жакерией» (29). При этом, затрагивая вопрос о пропаганде революционных идей в крестьянской среде, Ф.-К. Кокэн пишет, что социалисты-революционеры были очень популярны в деревне, где количество крестьянских восстаний увеличилось с 200 до 300 за первые пять лет XX в. В то же время социал-демократы пользовались определенным влиянием в солдатской среде, где распространяли литературу марксистского толка (30).

Итак, французские исследователи отмечают всплеск крестьянского недовольства, вызванного, в первую очередь, нерешенностью крестьянского вопроса. В то же время относительно успешную агитацию в деревне проводят эсеры, что также поддерживает взрывоопасную ситуацию в стране.

Говоря о русской буржуазии, П. де Лобье отмечает ее особенности по сравнению с французским и американским «аналогами». Так, несмотря на

непомерный рост бюрократического аппарата, сопровождавшийся появлением новых дворян-чиновников, и экономический подъем конца XIX в., позволивший разбогатеть многим российским предпринимателям, к началу XX в. русская буржуазия «не сумела обрести ни политическое влияние, которое было во Франции у мелкой буржуазии, ни экономическое влияние, коим обладали капиталисты в США» (31). Ядро русской буржуазии, по мнению исследователя, «составляли представители либеральных профессий, промышленники и коммерсанты, а также многочисленные представители мелкого чиновничества» (32). Таким образом, налицо некое несоответствие понятийных аппаратов. Видимо, в данном случае исследователь рассматривает термин «буржуазия» в предельно гипертрофированном виде, фактически ставя знак равенства между буржуазией и либеральной оппозицией.

Ф.-К. Кокэн, в свою очередь, пишет о том, что к началу XX в. средний класс в Российской империи становился все обширнее, чему способствовало развитие земств и рост бюрократического аппарата. Представители «либеральных» профессий (адвокаты, врачи, учителя и др.), находящиеся под влиянием либеральных идей, начинают играть в обществе все более важную роль. Однако средний класс был практически лишен политической власти, что не могло не вызывать его недовольства (33).

Для обсуждения своих идей и передачи воззваний о необходимости реформ руководству страны представители буржуазии и среднего класса использовали земские собрания. Однако власть оставалась непримиримой по отношению к оппозиции, и та, в свою очередь, со временем тоже становилась все непримиримее. «Союз освобождения», очень влиятельный среди среднего класса, начиная с декабря 1904 г. стал организовывать так называемые «банкетные компании». По мнению Ф.-К. Кокэна, в этом явно проявлялось сходство с поведением французской оппозиции в 1847 г. (34). Схожих позиций относительно влияния французского исторического опыта на «Банкетные компании» придерживается и Э. Каррер Д'Анкосс (35). Ф.-К. Кокэн отмечает, что «в начале века количество забастовок в крупных промышленных городах (в том числе Баку, Москве и Санкт-Петербурге) и крестьянских выступлений в деревнях увеличивалось, а непонимание между властью, отвергавшей любые либеральные инициативы, и народом росло» (36).

Итак, по мнению французских ученых, в Российской империи к 1905 г. ряд социальных противоречий был обострен до предела и градус народного недовольства достиг критической отметки. Патриархальная Россия медленно, но верно приближалась к кровавой катастрофе, которая случилась 9 (22) января на улицах Санкт-Петербурга.

Переходя от вопроса экономических предпосылок к военно-политическим, следует отметить, что Р. Жиро и М. Ферро считают, что к началу XX в. русское самодержавие изжило себя и политическая система российского го-

сударства нуждалась в коренной перестройке. По мнению исследователей, в тот период существовало три возможных альтернативы абсолютной монархии:

- развитие демократии по западноевропейскому образцу, то есть создание парламента, избираемого всенародным голосованием;
- либерализация «сверху», подразумевающая умеренные реформы изживших себя административных и социальных институтов;
- революция, признающая политические изменения лишь при условии, что они сопровождаются кардинальной перестройкой экономики (37).

При этом Р. Жиро и М. Ферро отмечают, что «в начале XX в. недовольство российского населения существующим положением вещей было настолько высоко, что два не связанных между собой напрямую события – экономический кризис и военные неудачи – детерминировали наступление перемен, которых все так ждали» (38). Однако причины этих перемен французские исследователи ищут в событиях, происходивших в Российской империи приблизительно за полвека до Первой русской революции.

Рабство в Российской империи, именуемое крепостным правом, было окончательно отменено лишь в 1861 г., то есть на несколько веков позже, чем в других европейских странах. Помимо отмены крепостничества император Александр II, прекрасно понимавший экономическую и социальную отсталость своей страны, провел в России ряд либеральных реформ, включающих в себя создание выборных органов местного самоуправления – земств (39). Тем не менее, эти реформы, по мнению Э. Каррер Д'Анкосс, представляли собой лишь облицовку фасада здания российского самодержавия, а не его коренную перестройку. Вся власть по-прежнему была сосредоточена в руках монарха. Полномочия земств были невелики и ограничивались лишь внутригубернскими делами (образование, медицина, строительство дорог и др.). Однако либерализация режима способствовала развитию оппозиции (в первую очередь народничества) и усилению национально-освободительных движений (например, в Царстве Польском) (40). Другими словами, французские исследователи отмечают двойкость результатов либеральных реформ Александра II.

В итоге польское восстание 1863–1864 гг. и многочисленные покушения на царя заставили Александра II видоизменить свой политический курс, а его убийство 1 (13) марта 1881 г. ознаменовало наступление в России эпохи реакции и репрессий, продлившейся с переменным успехом до 1905 г. (41). Александр III и Николай II старались держать страну в «ежовых рукавицах», тем самым практически сводя на нет все достижения эпохи либеральных реформ Александра II. Важную роль в это время начинает играть царская «охранка». По мнению М. Ларана и Ж.-Л. Ван Режеморте, в период с 1881 по 1904 г. Россия представляла собой осажденную крепость, постоянно функционирующую в режиме чрезвычайного положения (42). Таким обра-

зом, суждения французских авторов по данному поводу в целом совпадают с мнением их российских коллег.

В отличие от подавляющего большинства историков Э. Ллорка предлагает вести отсчет Первой русской революции не от «Кровавого воскресения», то есть 9 (21) января 1905 г., а с лета 1904 г., когда после убийства Плеве Е.Г. Созоновым пост министра внутренних дел занял П.Д. Святополк-Мирский. Новый министр осуществил ряд либеральных преобразований, амнистировал многих политических заключенных и ссыльных, ослабил цензуру, разрешил общественные собрания. Поэтому этот период был назван во французской историографии «политической весной» (43). Однако эти меры не принесли стране ожидаемого успокоения. Наоборот, вкупе с неудачами на фронте эти правительственные меры были приняты оппозицией как показатель слабости. В ноябре 1904 г. на земском съезде была принята знаменитая программа «11 пунктов», призывавшая правительство к утверждению основных свобод. Царь отверг это предложение, и тогда в декабре либеральные силы стали проводить «Банкетные компании» по всей стране, призванные, как и в 1848 г. во Франции, мобилизовать либеральную оппозицию и оказать давление на ослабшую царскую власть (44).

Э. Каррер Д'Анкосс также отмечает, что Святополк-Мирский пытался проводить реформаторскую политику, связанную с ослаблением цензуры, возвратом самоуправления университетам, амнистией политическим ссыльным, приостановлением проведения политики насильственной русификации в национальных окраинах империи, а также предоставлением земствам «широких совещательных полномочий» (45).

«Политическая весна» 1904 г. породила в обществе большие надежды на перемены к лучшему, и вместо того, чтобы успокоить социальные волнения, она их, наоборот, подстегнула. Ее будоражащее действие было заметно и среди рабочих, и среди студентов, и в либеральной среде (46). Таким образом, по мнению большинства французских исследователей, «политическая весна» стала своеобразным мостом между реакционной политикой конца XIX – начала XX в. и Первой русской революцией.

Р. Жиро и М. Ферро полагают, что поражение России в войне с Японией нанесло сильный удар по престижу царя и его правительства. Николай II рассчитывал отвлечь общественное мнение от внутренних проблем за счет «маленькой победоносной войны», как окрестил ее министр внутренних дел В.К. Плеве, с теми, кого российский монарх называл «макаками». Поначалу, по мнению авторов, население было абсолютно безразлично к войне, происходящей на другом конце света. Однако по мере того как численность российских войск в Манчжурии увеличивалась, налоги росли, а вести о поражениях приходили все чаще, отношение российского общества к войне стало крайне негативным (47). Э. Ллорка также отмечает, что русско-японская война удивила общественное мнение не только тем, что великая европейская

держава впервые проиграла азиатской стране, но еще даже в большей степени тем, что она не вызвала никакого всплеска национального патриотического самосознания. Наоборот, поражение показало слабость существующего режима. В условиях экономического кризиса народное недовольство вырвалось наружу (48). Н. Верт, в свою очередь, пишет о том, что вступление в войну с Японией было безусловной ошибкой царского правительства. Для страны, переживающей экономический кризис, далекая и непонятная война стала той каплей, что переполнила чашу народного терпения и привела к социальному взрыву (49). Э. Каррер Д'Анкосс соглашается со своими коллегами, добавляя при этом, что поражение в войне привело к появлению новой группы, легко подверженной революционной пропаганде. Речь идет о деморализованных и демобилизованных частях, возвращающихся с Дальнего Востока (50).

Итак, главной проблемой российского общества на рубеже XIX и XX в., по мнению французских историков, был переживаемый страной структурный кризис. А главная проблема заключалась в том, что само общество менялось, тогда как политическая система в стране оставалась прежней. При этом роль одного из катализаторов взрыва сыграла неудачная для России война с Японией 1904–1905 гг.

В целом, как мы видим, французские авторы весьма основательно изучали как саму революцию 1905–1907 гг. в России, так и ее причины и предпосылки. В большинстве своем они сходятся во мнении, что к революционному взрыву в Российской империи в начале XX в. привел целый комплекс причин (прежде всего экономических, социальных и военно-политических), ставших составными частями глубокого структурного кризиса. Многие авторы занимались поиском параллелей между событиями 1905–1907 гг. в России и французскими революциями XIX в. Неоценимый вклад в изучение Первой русской революции внес Ф.-К. Кокэн, написавший пока что единственную в своем роде монографию, целиком посвященную данному событию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., например, работы Ж.-Л. Ван Режиорте, Н. Верта, Р. Жиро, Э. Каррер Д'Анкосс, Ф.-К. Кокана, М. Ларана, Ж.-П. Скота, М. Ферро и др.: *Van Regemorter J.-L. La Russie et le monde au XXe siècle.* – P., 1995; *Idem. La Russie et l'URSS au XXe siècle.* – P., 1998; *Werth N. Histoire de l'Union soviétique: de l'Empire russe à l'Union soviétique: 1900–1990.* – P., 1990; *Girault R., Ferro M. De la Russie à l'U.R.S.S.: l'histoire de la Russie de 1850 à nos jours.* – P., 1974; *Carrère d'Encausse H. L'empire d'Eurasie: une histoire de l'Empire russe de 1552 à nos jours.* – P., 2005; *Idem. Nicolas II: la transition interrompue: une biographie politique.* – P., 1996; *Laran M., Van Regemorter J.-L. Russie–URSS: 1870–1984.* – P., 1986; *Coquin F.-X. Des pères du peuple au père des peuples: la Russie de 1825 à 1929.* – P., 1991; *Idem. La révolution russe manquée: 1905.* – Bruxelles, 1985; *Scot J.-P. La Russie de Pierre le Grand à nos jours: Etat et société en Russie impériale et soviétique.* – P., 2000 et d'autres.

- (2) *Marie J.-J.* La Russie: 1855–1956. – P., 1997. – P. 38–39.
- (3) *De Laubier P.* 1905: mythe et réalité de la grève générale: le mythe français et la réalité russe. – P., 1989. – P. 159.
- (4) *Coquin F.-X.* La révolution russe manquée...
- (5) *Ibid.* – P. 12.
- (6) *Ibid.* – P. 13.
- (7) Позволим себе здесь не до конца согласиться с французскими исследователями, так как причины аграрного кризиса были более глубокими, нежели просто «плохая урожайность».
- (8) *Girault R., Ferro M.* *Op. cit.* – P. 81.
- (9) *Llorca E.* De la Russie à l'URSS: 1900 à 1953: histoire thématique, sept questions. – P., 1998. – P. 28.
- (10) *De Laubier P.* *Op. cit.* – P. 164.
- (11) *Llorca E.* *Op. cit.* – P. 28.
- (12) *Coquin F.-X.* La Révolution russe manquée. – P. 9.
- (13) *Ibid.* – P. 9.
- (14) *Ibid.*
- (15) *Ibid.*
- (16) *De Laubier P.* *Op. cit.* – P. 147–148.
- (17) *Coquin F.-X.* La Révolution russe manquée. – P. 12.
- (18) *Ibid.* – P. 19–26.
- (19) *Ibid.*
- (20) Histoire générale du socialisme. De 1875 à 1918 / Sous la direction de J. Droz. – P., 1974. – T. 2. – P. 430.
- (21) *Ibid.*
- (22) *De Laubier P.* *Op. cit.* – P. 163.
- (23) *Ibid.*
- (24) *Ibid.*
- (25) *Llorca E.* *Op. cit.* – P. 28.
- (26) *Carrère d'Encausse H.* Russie, la transition manquée. – P. 540.
- (27) *De Laubier P.* *Op. cit.* – P. 136. Примечательно, что в данном случае де Лобье ссылается не на российские источники, а на работу своего соотечественника, современника описываемых событий, историка А. Леруа-Болье («L'Empire des Tsars» – «Империя царей»): *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. – P., 1893. – T. 1. – P. 234.
- (28) *De Laubier P.* *Op. cit.* – P. 156.
- (29) *Ibid.* – P. 156.
- (30) *Coquin F.-X.* La Révolution russe manquée. – P. 19–26.
- (31) *De Laubier P.* *Op. cit.* – P. 179.
- (32) *Ibid.*
- (33) *Coquin F.-X.* Des Pères du peuple au père des peuples. – P. 230–241.
- (34) *Ibid.* – P. 237.
- (35) *Carrère d'Encausse H.* L'Empire d'Eurasie. – P. 167; *Idem.* Russie, la transition manquée. – P. 540.
- (36) *Coquin F.-X.* La Révolution russe manquée. – P. 19–26.

- (37) *Girault R. et Ferro M.* Op. cit. – P. 80.
(38) Ibid.
(39) *Scot J.-P.* Op. cit. – P. 66.
(40) *Carrère d'Encausse H.* Nicolas II. – P. 19–67.
(41) Ibid.
(42) *Laran M. et Van Regemorter J.-L.* Russie–USSR. – P. 26–39.
(43) *Llorca E.* Op. cit. – P. 30.
(44) Ibid.
(45) *Carrère d'Encausse H.* L'Empire d'Eurasie. – P. 167
(46) Ibid.
(47) *Girault R. et Ferro M.* Op. cit. – P. 82.
(48) *Llorca E.* Op. cit. – P. 29–30.
(49) *Werth N.* Op. cit. – P. 37–38.
(50) *Carrère d'Encausse H.* Russie, la transition manquée. – P. 539.

MODERN FRENCH HISTORIOGRAPHY ON THE CAUSES AND CONDITIONS OF THE 1905 RUSSIAN REVOLUTION

M. Fridman

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moskow, Russia, 117198

Modern French Historiography of the Causes and Conditions of the 1905 Russian Revolution is studied in the article. The 1905 Revolution is one of the most important moments in the Russian history. The article also shows the pictures of economic, social and political life of the Russian Empire at the beginning of the XX century according to French historians.

Key words: Russia, Historiography, 1905 Russian Revolution, Modern French Historiography, Causes and Conditions of 1905 Russian Revolution.